

Человек у стены и за стеной

(Excerpt in Russian)

Translated by: Inesa Kuryan

Contact of the translator: plucha@mail.ru

Сегодня суббота. Душная, как все субботы в летнем Буэнос-Айресе. Ближе к вечеру, полностью одуревший от жары, он вернулся с работы, и дорога назад показалась совсем иной, чем в течение недели, с одной стороны – налегке, с другой же – с тоской на сердце. И так было всегда, когда он в других местах возвращался с работы в последний раз, накануне отъезда в новые края.

При входе он без радости окинул взглядом череду чемоданов, выставленных на вынос уже неделю назад.

«Едете завтра?» – по-испански спросила хозяйка, стоя в дверном проёме кухни в конце длинного коридора и отирая краем фартуха капельки пота на лице.

«Уже завтра». Улыбнулся он ей и подумал: «Могли бы и раньше намекнуть, что я староват для такой работы...»

«Хорошо быть эмигрантом, если честно. Легко кочевать из края в край, так и не обжившись». Он только покивал в ответ. «Жаль, я так и не успела познакомиться с Вашей женой», – продолжала лопотать хозяйка. «Мария... Помните, Вы как-то раз признались, что вам не нравится ее имя, потому что в Европе каждую вторую женщину при крещении называют Марией?»

Хозяйка заметила, что ему не до этого, и начала говорить быстрее: «Бедняжка! Сколько ей пришлось пережить без Вас, один Господь ведает. Всё сейчас переменится к лучшему, – и добавила не без намёка, – ведь Вы еще крепкий мужчина».

«Возможно, я перевезу её сюда, вот и познакомитесь».

«Как же я буду рада!» – хозяйка сделала акцент на последнем слове, но по лицу её было видно, как она отнеслась бы к чужой женщине. «Завтра я Вам ещё приготовлю завтрак...»

Он только кивал в ответ, и, не проронив ни слова, ступил из коридора в комнату, чтобы не попадаться ей на глаза и не давать повода продолжать разговор. *Завтра я Вам ещё приготовлю завтрак... Ещё завтра... Ещё...* Одно маленькое слово, а как больно

возвращает в реальность. В одном словечке всё: оболочка, ожидание смысла и ожидание, как смысл.

Ему всё равно когда-нибудь хотелось уехать из Буэнос-Айреса, и вот наступил этот момент. *Здесь я не останусь ни днём больше*, сказал он себе и вспомнил жену. Прошло уже почти пять лет, как они не виделись.

Глаза его блуждали по убранной комнате и, остановив взгляд на взбитых подушках, он почувствовал себя в гостиничном номере на краю света, где провел одну-две ночи, а не полтора года. Он направился к окну, осматривая пустые стены, и с удивлением приподнял брови. На двери висел календарь.

«Чуть не забыл его забрать», – сказал он себе, взяв календарь в руки. Перевернул листок с январскими датами, который пару дней назад просунул через разрез на картонной основе, положил календарь на чемодан и улыбнулся. *Тысяча девятьсот пятидесятый год. Пол февраля мы уже прожили. А ведь еще недавно ничто не указывало на то, что в этом году, вероятнее всего, придётся вернуться домой.* Его брови снова приподнялись в вопросе к самому себе: *Вернуться домой?...*

За стеной снова громко зашоргали по негладкому полу тапки хозяйки. Ей хочется с ним поболтать, а он затаился в ответ – только бы она не услышала, что он стоит прямо за дверью. Даже руку боится поднять, чтобы отереть пот со лба. Зря, конечно, он от неё прячется, но ни с кем не хочется говорить.

Хозяйке всегда было любопытно, кто у него жена, и она вечно про неё распытывала, в своей простоте не замечая, как он уходит от темы и старается перевести разговор на что-то другое. Он до сих пор не избавился от страха выпытываний и повествований о себе, неприятное беспокойство ещё сидело в нем, начиная от довоенных лет, оно не ушло и позднее, когда он свободно пересекал Европу. Ему не хотелось говорить ни о себе, ни о своих близких, и для иностранцев он всегда придумывал себе другое имя и фальшивый адрес.

Даже если бы он хотел ей больше про себя рассказать! Разве она поняла бы его? Если бы он начал вспоминать, как жене не дали разрешения на выезд в Аргентину, и она все равно пустилась вслед за ним, четверть земного шара проехала до какого-то городка над рекой на северной границе, чтобы сказать, что будет ждать его, что уже сейчас мечтает, как он заберёт её к себе, на край света, и они там, вдали, будут снова жить вместе, хоть жизнь разлучила их, хоть и года не прошло после свадьбы... Что бы в этом хозяйка понимала, кроме череды событий, метаний и больших расстояний?

Он итак на разговоры с ней не напрашивался, разве что был говорлив в первые недели переезда из Мисьонеса, когда настроение поднимали выплаченные деньги и удача найти комнату возле нового более спокойного места работы в этом миллионном некомпактном городе. На той волне он, действительно, был более общителен и не раз вёл приятные беседы в коридоре. Тем более, когда ощущалось, что к нему проявлялась чрезмерная забота. Ему тогда даже пришло в голову, что рано или поздно они с хозяйкой сблизятся.

Глядя на неё сейчас, он замечал её неопрятность и вспоминал все эти пустые слова, которыми они обменивались в течение года, и не мог поверить, что его уводило в сторону от того главного пути, в конце которого его жизнь начиналась бы заново.

Он свернул календарь и присмотрелся к коробкам и чемоданам – куда бы его засунуть? Получается, что два месяца назад был его последний рождественский вечер в этом раскалённом солнцем городе. Бог мой! В Белгранской церкви всё проходило в подzemелье, как и две предыдущих праздничных службы. Весь потный, он протискался между незнакомыми земляками. Надеялся прислониться к какой-нибудь колонне, чтобы почувствовать холод на ладонях, но проход был затруднён. От алтаря, поверх потных голов разливались старинные рождественские песнопения, а он, закрыв глаза, мечтал о снеге. Пот с лица тёк за воротник, и мужчины, вытирая ладонями капли со лба, пользовались случаем смахнуть капли возле глаз. Вот она правда! После полночной мессы пара кружек пива вполне восполнит обезвоживание организма. Слёзы же ничем нельзя восполнить...

«Такая жара стоит. Дорога будет мучительно трудной. Зато потом, на севере полегчает, там жара без влажности», – подумал он и вспомнил старика Грондоно.

Прошло уже два несчастных года, как это случилось. Холодным рассветным утром он ступил с маленького пароходика на пристань. Ночь укутала реку Парана таким густым туманом, что капитан дал приказ пришвартовать корабль к берегу. Капитан его разозлил своим решением, поскольку сроки уже поджимали: девять дней назад судно вышло из Буэнос-Айреса, и два дня назад должно было прибыть в Пуэрто-Игуасу, но на три дня они застряли среди джунглей и только завтра планировали снова отчалить.

Он перевёл взгляд от широкой реки к лесу, и его глаза утонули в густой зелени. Вдохнув свежего воздуха, он принял решение: «Раз уж я тут, я остаюсь. Знать бы, правильно ли я поступаю?»

Туман от реки всё еще висел в воздухе. Он оставил его позади и направился вверх по дороге. Людей не было. Два-три светлокожих человека с загорелыми лицами терялись среди идущих чернокожих приезжих или местных креолов. Но выше, когда красная от глины улица поворачивала к первым домам, люди останавливались и толпились. До этого, стоило кораблю причалить, только любопытная детвора на миг оглянулась на тень судна, вынырнувшего из белой мглы – значит, напрашивался вывод, приезжие в этой местности вообще никого не интересуют.

Он медленно шел подгору. Еще пару шагов оставалось до скопища людей, когда он поставил два своих чемодана и вытянул из кармана листочек с адресом. Потом снова подхватил багаж, но через мгновение снова поставил его на землю. У ног тесной толпы лежало крупное тело мёртвого человека.

«Давичи его вынесло на берег», – пояснил ему кто-то, без интереса отойдя от зевак, когда увидел, что мертвец не из местных. Понять, что было сказано на диалекте оказалось непросто.

Мертвец был такой огромный, что гора тела вызывала изумление. «Тот сюда не надо было ходить», – продолжал прохожий, – «Он один, по два нельзя было ходить...». И ему показалось, что он видит перед собой одинокое морское чудовище, выброшенное на берег. «Даже вода его не хотела здесь принять... Вот и меня не отпускает вопрос, был ли смысл послушать жену и приехать сюда?..»

Какой-то плечистый мужчина вышел из толпы. Тогда он шагнул к нему и показал листок с адресом.

«Сан-Антонио».

Мужчина окинул его взглядом, но ничего так и не сказал. Тогда он снова к нему обратился и спросил по-итальянски, а куда можно доехать каким-нибудь автобусом от пристани? Мужчина громко засмеялся и в ответ только пожал плечами. Затем вернул листочек с адресом и уже немного прошёл вперёд, но задержался и головой указал на красный дом за деревьями, обозначенный большой алюминиевой бутылкой.

«Тут не ходят автобусы! Тут конец света... Спросите в карчме. Там шоферы останавливаются. Может, кто-то поедет за древесиной».

Грузовик трясло по красной глине. Шофер вольяжно сидел за рулём и время от времени поглядывал на чужака, который не переставал удивляться тому, что видел за

полуоткрытыми окнами. Дорога становилась всё более узкой, колёса всё больше наезжали на гигантские папоротники, бамбуковые заросли всё теснее обступали путь.

«Считайте, Вам повезло. На этой неделе никто точно уже в эту сторону не поедет. Еще и эти чертовы бразильцы не хотят мотаться. Дожди скоро пойдут. А кому надо застрять в джунглях на неделю? Боятся».

«Укачало вас, небось?» – спросил водитель, чтобы хоть что-то спросить.

Он только покрутил головой.

Водитель тогда засмеялся и изобразил очень печальное лицо со скорбно опущенными вниз уголками губ: «Вот так выглядят все тамошние, – вытянул он подбородок в сторону юга, – никто в период дождей с места не сдвинется, потому что боятся надолго загрязнить в дороге. Вы еще увидите, во что превратится земля, когда начнут лить дожди. А когда дожди закончатся, неделю надо ждать, чтобы колёсам дать ход. Кто читать умеет, тому ещё есть чем заняться, а иначе... крышка, полная крышка!»

«А я уже несколько лет мотаюсь из конца в конец. Случится ли такое, как писали мне родственники жены, что все эти скитания когда-нибудь закончатся», – думал пассажир под разговоры водителя.

«А я из того исхожу, что если запас денег иссяк, то сажусь за баранку и еду. До этого три месяца был в простое». Он подождал, может, пассажир начнёт его расспрашивать, но поскольку вопросы не последовали, шофёр снова сам к нему обратился. Руки выложил крест-накрест на руль и воскликнул: «Три месяца простоя!» С загадочной улыбкой повернул лицо к пассажиру и пояснил причину: «Женщины виноваты!»

Они проезжали мимо бушующих каскадов Игуасу. Воды не было видно, только самый ближний водопад гремел за первым рядом деревьев у дороги, а к небу поднимались небольшие белые облака, водитель же объяснил, что они уплотняются прямо над основаниями водопадов. Постепенно гул воды уменьшался и вскоре полностью остался позади.

Машина с равномерным шумом пробиралась через густые заросли. Под кронами деревьев иногда казалось, что мрак опустился на землю, и только лианы качались в непосредственной близости окон. Было ощущение, что они сейчас оплетут машину и продвижение остановится.

Путник устал, но боялся заснуть. Сначала они с водителем хоть изредка переговаривались: он рассказал шофёру, что и две недели не прошло, как он приплыл сюда из Европы, сразу направился на север, к шурина, брату жены, который приехал за океан уже двадцать лет назад и живет с дочерью в Сан-Антонио.

«Вы знаете, в какой части города они живут?» – спросил шофёр.

«Нет. Знаю только, что в Сан-Антонио мне надо поискать карчму некоего старика Грондоне. Там мне уже скажут, где дом шурина».

«А как зовут вашего родственника?»

«Маринич».

Водитель покачал в ответ головой, мол, не слышал такой фамилии. Потом на полчаса совсем замолчал, что случилось и раньше, потом снова возобновил разговор всё той же фразой: «Вчера поздно лёг». Потом снова утих, замечая, как пассажир широко открыл глаза при виде гиганских диких орхидей с прекрасными светло-желтыми цветами в кроваво-красные брызги, как заслонялся руками от налетевшей тучи светящихся голубых мотыльков. Теперь снова прервал молчание: «В Буэнос-Айресе нечего искать... Я бывал там однажды, там меня ограбили, пока я спал. Честно говорю: там ничего интересного... Часа через три мы приедем в Сан-Антонио».

Заросли закончились, и колеса снова равномерно зашуршали по ровной дороге, петляющей между деревьям.

Он все слабее сопротивлялся сну. Шофер предложил ему маленькие сладкие бананы, но он даже не смог их дожевать, засыпая. Потом сквозь дрему слышалось, что водитель ему что-то объясняет и спрашивает: «Вы серьезно собрались на этой земле осесть?»

«Я знаю и не знаю, куда, зачем шагаю».

«Надо вложиться. Пахать на ней, чтобы деньги появились, но дело стоящее. Хоть вы уже немолоды, чтобы на земле работать».

Уже немолод? А ведь он чувствовал себя еще перцем, ему даже было обидно, поэтому он ничего не сказал в ответ. Отвернулся и снова рассматривал густые древесные шапки, минуя глазами опутанные стволы, почти незаметные под листьями плюща и колючих светлозелёных лиан. Мог ли он себе представить ещё в Триесте, непосредственно перед отъездом в Южную Америку, что будет вот так кружить по этим красным как кровь дорогам, прорезающим настил низкой поросли и темный непролазный лес? Даже получив письмо от жены с приблизительным адресом шурина он и представить себе не мог, что попадет в такое богом забытое место.

Жена писала: «Мой брат – вдовец, жена умерла пару лет назад, поэтому они с дочкой будут рады любому нашему человеку, а ты, тем более, родственник...»

«Карчма немного в стороне, – признался водитель. – Я к старому Грондоне Вас подвезу, но дальше Вы сами. Мне кажется, я его знаю, но не уверен. Если бы у меня был

грузовик, как у бразильцев, что перевозят брёвна, часам к десяти мы прибыли бы на место...Если Вы тут задержитесь, то ещё узнаете бразильцев получше. Будьте осторожны! Это еще те махинаторы! На службе в костёле с бразильцами рядом не стойте, Вы поняли? *Ni a misa!*»

Водитель нахмурился от презрения: «Вы говорите, бразилец?» Он оторвал от руля руку, согнутую в локте, и начал ладонью отталкивать перед собой воздух, будто прогоняя от себя кого-то невидимого, провтряя при этом на местном наречии: «*Aire! Aire!*¹»

Потом снова было долгое молчание и ропот мотора.

Пассажиры поглядывали на раскрасневшегося от злости водителя и думали: «Мы ещё только подъезжаем к границе... А страсти уже кипят...»

«Так вот.., – снова заговорил водитель, не поднимая уголков губ с презрительной гримасы, – так вот, мы приедем поздно, и я не советую Вам с вечера кого-то искать. Пусть старик Грондоне или кто-то другой утром вам покажет ранчо вашего шурина...»

Ближе в полночи между деревьев показались первые тусклые огоньки поселения. Сан-Антонио. Седой Грондоне, хозяин трех баров на пустой дороге, живя по сути в пригороде, принял путников без особых эмоций. Правда, когда шофер представил пассажира как иностранца, старик немного оживился.

«Он ищет родственника, который живет с дочкой где-то в вашем городе», – начал пояснять шофёр. Потом он указал на попутчика, который стоял у машины, мол, пусть он теперь все скажет сам.

¹ исп. *Воздуха! Нечем дышать!*